

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

ПРАВО И СУД В БУХАРЕ И ХИВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ*

© 2018

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

НИУ “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург
E-mail: pochekaev@hse.ru

В статье анализируются особенности правового развития Бухарского эмирата и Хивинского ханства в первой половине XIX в. в отражении российских и британских современников, посетивших эти государства в рассматриваемый период. Именно в 1800–1840-е гг. активизировались контакты европейских государств с Бухарой и Хивой, и европейцы (преимущественно русские и англичане) старались собрать о них как можно более полную и объективную информацию. При этом немалое внимание путешественниками, среди которых были дипломаты, торговцы, ученые и военные разведчики, уделялось особенностям правоотношений в ханствах Средней Азии. На основании сведений западных наблюдателей реконструируются некоторые принципы и нормы, регулирующие различные сферы правоотношений в Бухаре и Хиве, выясняется, насколько правовые реалии ханств соответствовали канонам мусульманского права, которое формально играло главенствующую роль в их правовых системах.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Хивинское ханство, Российская империя, Большая игра, Британская империя, мусульманское право, традиционное право, записки путешественников.

DOI: 10.7868/S0869190818030044

LAW AND COURT OF BUKHARA AND KHIVA IN THE FIRST HALF
OF THE NINETEENTH CENTURY IN VIEWS OF RUSSIAN
AND BRITISH TRAVELLERS

ROMAN Yu. POCHKAEV

National Research University Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: pochekaev@hse.ru

The article examines legal developments of the Khanates of Bukhara and Khiva in the first half of the nineteenth century as they reflected by Russian and British travellers who visited these states during the period under review. In these times, the contacts of the European states with Bukhara and

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург.

Roman Yu. POCHKAEV – PhD (in Law), professor, National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16-01-0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Khiva did increase, and the Europeans, mostly Russian and Englishmen, sought for the most complete and relevant information on these states. Travellers who were diplomats, tradesmen, scientists and intelligence officers paid special attention to specific features of legal relations in the Central Asian Khanates. The article offers a reconstruction of principles and regulations for different fields of legal relations in Bukhara and Khiva as they were seen by Western travellers. The author also aims to clarify a degree of conformity of legal realities of Bukhara and Khiva to the basic principles of Islamic law which formally had the leading position in these states.

Keywords: Bukhara, Emirate, Khiva, Khanate, Russian Empire, Great Game, British Empire, Islamic law, traditional law, travellers' notes.

Первая половина XIX в. стала переломным периодом в истории Среднеазиатского региона. Во-первых, именно в этот период в Средней Азии сложилась система трех ханств: в Бухаре и Хиве марионеточные монархи из числа потомков Чингисхана были лишены власти, и им на смену пришли правители, происходившие из местных аристократических родов – Мангыты (в Бухаре) и Кунграты (в Хиве); в то же самое время узбекские правители Ферганы из династии Минг провозгласили себя ханами в Коканде [Россия..., 2011, с. 21–29, 34 и след.]. Причиной подобных политических трансформаций стали события XVIII в. – нашествие персидского Надир-шаха, в противостоянии с которыми ханы-Чингисиды проявили себя неэффективными правителями. В результате вторая половина века стала временем постепенного перехода фактической власти к представителям местной знати, которые на рубеже XVIII–XIX вв. закрепили свой статус и официально.

Не будучи потомками Чингисхана, бухарские Мангыты и хивинские Кунграты были вынуждены опираться на новые основания легитимации власти, в результате чего в Средней Азии вновь приобрела актуальность идея султанской власти [Бартольд, 1966]. Местные правители, признавая верховную духовную власть халифа (в рассматриваемый период – монарха Османской империи), сосредоточивали в руках всю полноту светской власти. Вместе с тем, многовековые традиции правления Чингисидов в Средней Азии, равно как и особенности политического развития тюркского мира в целом, обусловили особенности государственной и правовой организации среднеазиатских ханств в этот период. Формально провозглашая верховенство исламских ценностей, местные правители сохранили многие институты чингисидского права, провозгласив себя преемниками прежних среднеазиатских монархов – преимущественно Чагатаидов и Тимуридов, наследниками их геополитических претензий на территории друг друга, а также и соседних государств (Иран, Казахстан, Восточный Туркестан и пр.) [Бейсембиев, 2004, с. 98–105; Кюгельген, 2004, с. 259–284]. Сочетание институтов мусульманской и чингисидской государственности и права представляет значительный интерес для анализа политико-правового развития ханств Средней Азии в рассматриваемый период.

Во-вторых, в это же время активизируют свою политику в Средней Азии крупнейшие мировые державы – Российская и Британская империи, вскоре вступившие в противостояние из-за контроля над регионом. Исследователи неслучайно характеризуют этот период как пролог “Большой игры” [Ганиев, 2013, с. 114–117; Сергеев, 2012, с. 6–9; Alder, 2012, p. 350].

Следствием этого стало появление в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве большого числа дипломатических и разведочных миссий, участники которых нередко прикрывали истинные цели своих поездок торговыми или научными интересами. Соответственно, их главной задачей был сбор подробной и достоверной информации о политической ситуации в среднеазиатских государствах, возможностях укрепления присутствия собственных империй в регионе. Не последнее место среди вопросов, интересовавших российских и британских путешественников, были правовые реалии ханств Средней

Азии. Для исследователя эти сведения представляют значительный интерес, поскольку позволяют сформировать более полное представление о политико-правовых реалиях среднеазиатских государств в Новое время.

Ю.Ф. Лунев, автор единственного на сегодняшний день (насколько мне известно) специального исследования о государстве и праве среднеазиатских ханств [Лунев, 2004], опираясь преимущественно на восточные источники, характеризует право рассматриваемых государств как целиком и полностью соответствующее принципам ислама и шариата. При этом он не учитывает тюрко-монгольские традиции в области государственности и права, складывавшиеся в Среднеазиатском регионе еще в эпоху Средневековья и сохранившиеся до Нового времени. Конечно, их сохранение и действие вплоть до начала XX в. не нашло отражения ни в официальных правовых документах (действительно базировавшихся на канонах шариата), ни в местных исторических хрониках придворных историков, которые стремились представить своих монархов-покровителей ревностными мусульманами.

Как ни парадоксально, но наиболее объективно правовые реалии Средней Азии описывают именно иностранные путешественники, большинство которых в рассматриваемый период составляли русские и англичане. Не имея задачи идеализировать правовую политику местных монархов или роль мусульманских правовых традиций в регионе, они сообщают о реальных отношениях в правовой сфере, непосредственными участниками которых они сами нередко становились.

В настоящей статье я анализирую сведения российских и английских путешественников о правовых реалиях Бухары и Хивы в первой половине XIX в. Довольно широкий хронологический диапазон (1800–1840-е гг.) дает возможность проследить тенденции в развитии права и суда среднеазиатских ханств. А тот факт, что среди авторов записок были и военные, и торговцы, и ученые, которых интересовали разные аспекты политико-правовой жизни среднеазиатских ханств, позволяет проанализировать различные аспекты действия их права и суда. При этом в рассматриваемый период отношения России и Англии с Кокандским ханством, в отличие от Бухары и Хивы, носили эпизодический характер, поэтому сведений иностранных путешественников о нем явно недостаточно для решения задачи, поставленной в настоящем исследовании. Поэтому в данной статье я сосредоточусь на анализе правовых реалий Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Анализ следует начать с характеристики источников права. Формально главенствующую роль играл шариат, базировавшийся на источниках, сложившихся еще в IX–X вв. в виде священных текстов, судебной практики и трудов выдающихся богословов и правоведов (*фихх*). Следование нормам шариата обеспечивало влиятельное мусульманское духовенство, высшие представители которого нередко занимали и высокие посты в государстве. Европейские дипломаты, побывавшие в первой половине XIX в. в Хиве, отмечали, что *шейх-ул-ислам* и *накиб* на официальных ханских приемах занимали более почетные места, чем ближайшие родственники хивинского хана. В Бухаре *шейх-ул-ислам* являлся третьим по значению сановником после *кушбеги* (“премьер-министра”) и *парваначи* (командующего войсками) [Abbott, 1884, vol. I, p. 150; vol. II, 293; Мейендорф, 1975, с. 134; Ханыков, 1843, с. 189]. Поскольку именно главы духовенства обоих ханств утверждали мусульманских судей (кадиев) и других чиновников, следивших за соблюдением норм шариата населением, они имели полный контроль в сфере мусульманского права и суда. Значение мусульманских богословов и правоведов проявлялось в том, что они могли устроить публичный спор (диспут) по тому или иному вопросу прямо во время официального приема, не обращая внимание на недовольство хана – подобный случай описал, в частности, Р. Шекспир [Шекспир, 2008, с. 130–131].

Однако, несмотря на официальное признание приоритета норм ислама и, следовательно, доминирующей роли мусульманского духовенства в регулировании правоотношений в Бухаре и Хиве, на практике не меньшее, а в некоторых сферах и большее значение

имела воля самих монархов. Активная законодательная деятельность бухарских эмиров и хивинских ханов была связана не только с тем, что в тюрко-монгольском мире (в отличие от стран “классического ислама”) светские монархи имели значительные полномочия в правотворчестве, но и с тем, что династии Мангытов в Бухаре и Кунгратов в Хиве пришли к власти сравнительно недавно и не вполне законным путем. Соответственно, регулируя правоотношения своих подданных на основе собственных волеизъявлений, они доказывали свою эффективность как монархи – по сравнению с оттесненными ими от трона Чингисидами, игравшими в последние десятилетия своего царствования в Бухаре и Хиве роль политических марионеток.

Хивинские монархи легитимировали свои властные полномочия, бросив вызов многовековой традиции – приняв ханский титул, обладать которым могли лишь потомки Чингисхана (Кунграты таковыми не являлись). Более того, они пошли против еще одной древней традиции: Ильтузар, представитель Кунгратов, первым принявший ханский титул, женился на дочери местного сейида, хотя до сих пор представители этого сословия сочетались браками лишь между собой [*Путешествие...*, 1822, ч. I, с. 38]. Свои права на престол Кунграты подкрепили жестокими расправами с претендентами и успешным противостоянием внешним вторжением. Таким образом, добившись признания своих прав на трон со стороны подданных, ханы стали активно заниматься правотворчеством, нередко принимая решения, не слишком отвечающие канонам шариата.

Бухарские ханы также обладали широкими полномочиями в законодательной сфере, но особенности политической и религиозной ситуации в Бухаре обусловили несколько иные основания их правотворческих прерогатив. Уже в начале XIX в. эмир Хайдар провозгласил себя “главой правоверных” (*амир ал-муминин*), повелев чеканить этот титул даже на монетах [Мейендорф, 1975, с. 113]¹. Тем самым он показывал, что любые его решения и действия направлены на укрепление “истинной веры” в любом случае, даже если сами они не вполне соответствовали нормам шариата. Сын Хайдара, эмир Насрулла, пошел еще дальше и добился от *реиса* (“великого муллы”) принятия фетвы о том, что он, эмир, является пастырем, а его подданные – овцами, следовательно, он имеет всю полноту власти над ними, и любое его решение, любой указ должны неукоснительно исполняться [Wolff, 1846, р. 236–237]. Весьма выразительно описал отношение подданных к статусу эмира Е.К. Мейендорф:

«Один бухарец уверял меня, что если бы хан был его должником и отказался уплатить свой долг, то он пошел бы жаловаться к судье (казню), который, в свою очередь, не побоится заявить хану, что Коран предписывает платить обоим заимодавцам. Если же государь будет упорствовать в своем неподчинении этому закону, то бухарец утешится и скажет: “Он – хан, он не платит; это его добрая воля”» [Мейендорф, 1975, с. 133].

Волеизъявление монарха, таким образом, обладало в Бухаре и Хиве высшей юридической силой. В Бухаре, обладавшей высокой степенью централизации власти, практически отсутствовала практика принятия самостоятельных решений региональными властями. И десятилетия спустя наместники эмира (беки) по любому вопросу направляли ему прошение или доклад (“арз-наме”) и действовали, лишь получив от монарха ответ [Маев, 1879, с. 103]. В Хивинском ханстве, где система власти была менее централизованной, у региональных наместников и отдельных чиновников, выполнявших административные функции, имелись определенные полномочия для принятия собственных решений. В частности, пользуясь неопределенностью правовых норм, хивинские таможенные сборщики, особенно в пограничных районах, могли по собственному усмотрению менять размер торговых сборов и взимать дополнительные пошлины, по сути, шедшие в их собственный карман. Т.е. фактически под видом “спонтанно вводимых” налогов у торговцев

¹ Впрочем, претендуя на статус главы всех мусульман в Центральной Азии, бухарские эмиры, как отмечалось выше, признавали номинальное верховенство османского султана как халифа всех мусульман [*Путешествие...*, 1850, с. 494].

вымогались взятки; аналогичным образом пострадал от таможенников и А. Бернс [Кайдалов, 1828, с. 60–61; *Путешествие...*, 1850, с. 63–64; Соловьев, 1936, с. 55–56].

Наконец, в отдельных регионах Бухарского эмирата и Хивинского ханства действовали нормы и принципы обычного права. Но поскольку они были актуальны среди кочевников, то о них будет отдельно сказано ниже. Впрочем, в некоторых случаях нормы шариата, “ханского права”, а также “обычаи делового оборота” дополняли друг друга. В частности, это касалось особенностей статуса представителей различных слоев общества, национальностей и вероисповеданий.

Иностранные путешественники неоднократно подчеркивают, что узбеки традиционно являлись привилегированной частью населения, а сами правители Бухары и Хивы подчеркивали свое узбекское происхождение [Мейендорф, 1975, с. 103; Abbott, 1884, vol. I, p. 88; *Travels*, 1841, p. 507]. Тем не менее особенности каждого из государств предполагали включение в их правящую элиту и представителей других национальностей. Так, в Хивинском ханстве среди сановников были не только узбеки, но и туркмены. Тем самым подчеркивалась важная роль туркменских племен в политической и особенно военной жизни ханства [Abbott, 1884, vol. I, p. 97]. Н.Н. Муравьев упоминает о целой сановной династии персидского происхождения: отец был доверенным секретарем хана, один из сыновей стал начальником хивинской таможни, другой – высокопоставленным чиновником [*Путешествие...*, 1822, ч. I, с. 94, 97].

В Бухаре также имели возможность сделать карьеру представители других мусульманских народов: в начале 1830-х гг. правителем г. Каракуля являлся бывший раб из захваченных в плен персидских кызылбашей, а одним из влиятельнейших сановников эмира Насруллы – Абдул-Самад-хан, беглый афганский вождь, снискавший милость эмира Насруллы и ставший при нем командующим всех регулярных войск и артиллерии Бухары. Последний, будучи обязан своим возвышением *кушбеги* Хаким-беку, в дальнейшем он вступил с ним в конфликт, в результате чего *кушбеги* впал в немилость и, в конечном счете, был отрешен от должности [*Записка...*, 1983, с. 106–107; Ковалевский, 1871, с. 45; Wolff, 1846, p. 234–235].

Основное оседлое население ханств (“сарты”) практически обладало не большими правами, чем мусульмане-иностранцы, прибывавшие в Бухару и Хиву с различными целями. Но оно выглядело привилегированным по сравнению с представителями немусульманских конфессий. Так, китайцы, индусы, евреи, армяне и пр., пребывая или постоянно проживая в ханствах, должны были носить специальные одеяния, отличавшиеся от мусульманских, которые, как подметил А. Бернс, “предостерегают правоверных от осквернения их обычного приветствия обращением его к идолопоклоннику” [*Путешествие...*, 1848, с. 391]. Они должны были платить специальный налог, предусмотренный шариатом, – *джизью* (4–8 рупий в год)². Вместе с тем, путешественники не могли сказать, что в целом “неверные” подданные среднеазиатских монархов подвергались угнетению и явно ограничивались в правах (за исключением права приобретать в собственность рабов). Так, в суде кадиев, производившемся по канонам шариата, к ним не было предвзятого отношения [*Путешествие...*, 1848, с. 390–392, 406–407]. Иноверцам запрещалось строить свои храмы, однако позволялось использовать те, которые появились ранее: например, эмир Бухары позволил евреям восстановить древнюю синагогу, но не расширить принадлежащий ей земельный участок [Wolff, 1846, p. 259].

Собственность в Бухаре и Хиве являлась государственной, частной и общинной. Поскольку многие представители аристократии служили хану, получая в обмен землевладения, государственная собственность подразделялась на принадлежащую непосредственно хану и его семейству (земли, с которых доходы шли в казну) и на условные держания ханских служащих – как военных, так и гражданских. Для обеспечения поддержки со

² Согласно сведениям Е. К. Мейендорфа, бухарские евреи платили по 40 таньга в год с каждого дома, кроме того каждый достигший 16 лет платил 2 таньга в месяц [Мейендорф, 1975, с. 96].

стороны знати, хивинскому хану и бухарскому эмиру приходилось раздавать в держание государственные земли, что уменьшало его собственные доходы. Поэтому среднеазиатские монархи находили возможность увеличить свои земельные владения путем конфискации имущества сановников и аристократов, обвиненных в государственной измене, мятеже и пр. А конфискованные земли могли жаловаться другим лицам, к которым, соответственно, переходили все права и обязанности, связанные с таким землевладением (*амляк*) [*Путешествие...*, 1822, ч. II, с. 72, 80; Ханьков, 1843, с. 118–119].

Такая заинтересованность среднеазиатских монархов в увеличении своего домена объясняется тем, что именно с земель шли наиболее значительные доходы в казну. Так, арендаторы земель бухарского эмира платили $2/5$ своего урожая в казну правителя в качестве хараджа (по сути – налог с урожая), частные собственники и общинники платили 3 *батмана* зерна с каждых десяти. Существовал так называемый танапный сбор – поземельный налог, размер которого зависел от площади (количества танапов) соответствующего землевладения; специальная ставка танапного сбора существовала для садов (18 таньга с 1 *танапа*) и плантаций люцерны (6 таньга с 1 *танапа*) [Мейендорф, 1975, с. 107]. В Хиве арендаторы ханских земель отдавали треть урожая, а также платили аналог бухарского танапного сбора – *салгут*; хивинские садоводы брали сады на откуп, выплачивая, в зависимости от их площадей, от 80 до 50 золотых тилля в год [Данилевский, 1851, с. 135–136].

К числу обязательных мусульманских налогов относился *ушр* – взнос на благотворительные нужды, однако среднеазиатские правители могли заблаговременно объявлять, что за следующий год этот налог будет взиматься в казну [Ханьков, 1843, с. 115–116]. Таким образом, и в данном случае наблюдается своеобразное сочетание норм и принципов мусульманского и “ханского” права.

Значительным источником доходов казны среднеазиатских монархов являлись налоги и сборы в торговой сфере. Иностранные путешественники отмечают, что правители могли устанавливать размер этих налогов по собственному усмотрению [Данилевский, 1851, с. 132], однако на практике применялись четко определенные ставки таких налогов, что в значительной степени соотносилось с мусульманскими принципами налогообложения, но, вероятно, до определенного времени оставалось не до конца понятным европейским очевидцам.

Так, в Бухаре торговая пошлина составляла $1/40$ от стоимости товаров, что соответствовало мусульманскому закату, соответственно, в таком размере она взималась исключительно с мусульманских купцов, в том числе и иностранных. С христиан этот сбор составлял 20% от стоимости товара, с индусов – 10%, с евреев и армян – 5% [Мейендорф, 1975, с. 127; *Путешествие...*, 1850, с. 574]³. Впрочем, некоторые правители старались продемонстрировать стремление к справедливому налогообложению. Например, при эмире Хайдаре (прав. 1800–1826) торговая пошлина взималась не до, а после продажи товаров [*Путешествие...*, 1848, с. 414]. Помимо торговой пошлины существовали разного рода дополнительные сборы для торговцев – в частности, плата за охрану караванов и т.п. Тем не менее, даже А. Бернс был вынужден признать, что бухарские сборщики налогов куда честнее, чем их коллеги в Британской Индии. А сами бухарцы, по его словам, считали российских таможенников, взимавших торговые сборы на границе, более честными, чем своих собственных, хотя и отмечали более высокие ставки торговых сборов в Российской империи [*Путешествие...*, 1850, с. 574–576]. Сбор торговых налогов обеспечивали многочисленные “маклеры” – государственные посредники, участвовавшие при совершении торговых сделок⁴.

³ При этом если с верблюдов, принадлежавших мусульманским торговцам, взималось всего $1/2$ тилля (2 руб.), то с верблюдов русских купцов налог был в 2.5 раза больше (5 руб.) [*Путевой журнал*, 1868, с. 267].

⁴ О них упоминает, в частности, священник Будрин, член миссии А. Ф. Негри 1820 г. [*История...*, 1988, с. 210].

В Хивинском ханстве торговыми сборами облагались практически все товары, в том числе и ввозимые рабы. Пшеница, табак и некоторые другие виды ввозимых товаров облагались налогом с каждого груженого верблюда, остальные товары, как ввозимые, так и вывозимые, – в зависимости от их стоимости [Abbott, 1884, vol. II, p. 288]. Однако система торгового налогообложения в Хиве была менее упорядоченной, чем в Бухаре. Тот же А. Бернс, покинувший Бухару с купеческим караваном, вспоминал, что, пока путешествовавшие торговцы не уплачивали хивинским властям торговую пошлину, судьба каравана оставалась неизвестной: его могли ограбить не только кочевники-разбойники, но и воины, официально находившиеся на службе у хана Хивы [*Путешествие...*, 1850, с. 43]. Но уже в начале 1840-х гг., после экспедиции В.А. Перовского зимой 1839–1840 гг., налог с русских торговцев составил 5% от стоимости товара, мусульмане платили 2%, тогда как при вывозе товаров за границу сами хивинцы платили 12% [Данилевский, 1851, с. 132].

К доходам от сбора налогов примыкало еще одно средство пополнения казны восточными монархами – чеканка новых денег. Так, в Бухаре власти специально изготавливали фальшивые монеты, чтобы обманывать “неверных” индусов при расчетах. И.В. Виткевич уличил бухарского *кушбеги*, на что тот заявил, что подобной практикой занимаются вовсе не власти, а туркменские разбойники, и одного из них он уже приказал повесить [*Записка...*, 1983, с. 105]. В других случаях среднеазиатские правители вели себя не столь вызывающе, просто приказывая приравнивать новую монету худшего качества к старым и более дорогим – также регулярно имея на этом доход [Бутенев, 1842, с. 162].

Говоря об имущественных и торговых отношениях, нельзя не упомянуть о рабстве и работорговле в среднеазиатских ханствах. Рабство, столь резко осуждаемое как англичанами (отменившими его в собственных владениях лишь к 1833 г.), так и русскими (при сохранении крепостного права в России), процветало в ханствах Средней Азии. Большинство рабов составляли пленники, захваченные кочевыми подданными бухарского эмира и хивинского хана, причем в Бухару такие пленники чаще всего попадали через Хиву [*Путешествие...*, 1848, с. 403; Abbott, 1884, vol. I, p. 37], где, по всей видимости, менее тщательно проверяли источники поступления пленников. Так, Я. Гавердовский в своих записках упоминает, что сопровождавшие его караван казахи намеревались схватить русских и продать их в рабство, но при этом опасались сразу продать пленников в Бухару и планировали сначала доставить их в Хиву [*Журнал...*, 2007, с. 140].

Поскольку шариатом запрещалось обращение в рабство единоверцев, сами работорговцы или покупатели рабов обязательно спрашивали пленников, не являются ли они суннитами [*Путешествие...*, 1848, с. 402]. Впрочем, принадлежность их к суннизму зачастую вовсе не спасала от продажи в рабство. Иностранные путешественники отмечали, что пленников-суннитов подвергали побоям и прочим мучениям, пока они, наконец, не заявляли, что они на самом деле шииты, в результате чего бухарцы и хивинцы, приверженные к суннизму, спокойно покупали их. В результате из 700 тыс. рабов в Хивинском ханстве в начале 1840-х гг. лишь несколько десятков тысяч являлись настоящими шиитами, тогда как большинство были именно суннитами [*Записки...*, 1983, с. 59; Abbott, 1884, vol. II, p. 284–285]. Некоторые рабы персидского происхождения умудрялись по несколько раз попадать в бухарский плен, выкупались на свободу..., чтобы затем вновь быть захваченными в рабство [*Путешествие...*, 1850, с. 19].

Впрочем, нельзя не отметить особенности статуса рабов в Бухаре и Хиве, позволявшие некоторым из них даже сделать карьеру, о чем сообщают сами бывшие рабы. Так, некий Егор Шукин, благодаря своей грамотности и честности был назначен по воле своего хозяина – хивинского диван-беги (фактически премьер-министра) надсмотрщиком в хивинском караван-сараяе, т.е. отвечал за сбор торговых пошлин в ханскую казну [Юдин, 1896, с. 417]. Другой пленник, Федор Грушин, “служил у хана в чести и милости...; его и боялись, и слушались все – и правые, и виноватые”. Любопытно, что поначалу Грушин обратил на себя внимание как сильный борец, победивший местного чемпиона, а уж затем проявил и другие качества, позволившие ему добиться влияния при хане

[Даль, 1839, с. 75]. Слуга хивинского *мехтера* (градоначальника) Алеша Битка выступал посредником между своим хозяином и местными торговцами при вручении ими взяток — благодаря своей “услужливости”, коммуникабельности и привлекательной внешности [Записки..., 2012, с. 605].

Значительную часть русских невольников составляли военнопленные — солдаты, захваченные во время боевых действий. Они активно привлекались на военную службу, став прообразом регулярного войска (*сарбазов*) в среднеазиатских ханствах, особенно — в Бухаре, где для русских солдат в пригороде столицы был отведен целый квартал (естественно, жалования солдатам-невольникам не платили) [Галкин, 1868, с. 213—214, 221, 233]. Наибольший интерес для ханов представляли артиллеристы, поскольку пушки у ханов были, а стрелять из них было некому: спрос на русских артиллеристов продолжал существовать в Средней Азии и в XIX в. [Веселовский, 1881, с. 5; Яковлев, 1822], пока в Хиве и Бухаре не появились британские инструкторы, наладившие обучение местных пушкарей. Однако подобные случаи все же носили единичный характер, тогда как сотни русских пленников пребывали в куда более тяжелых условиях, что и побуждало российские власти во время переговоров с бухарскими и хивинскими монархами энергично настаивать на их освобождении.

Семейные правоотношения в Бухаре и Хиве не получили широкого освещения в записках русских и британских путешественников, однако некоторые интересные детали нашли в них отражение. Так, Дж. Эббот отмечает, что у хивинских узбеков все хозяйство ведут женщины, которые распоряжаются деньгами семьи (объясняя, впрочем, это “леностью” узбекских мужчин). Далеко не всегда в Хиве женщинами соблюдался и обычай закрывать лицо, выходя на улицу [Abbott, 1884, vol. II, p. 283]. Эти факты дают основание полагать, что, несмотря на распространение шариата среди узбеков, некоторые элементы обычного права кочевников Евразии, в частности более высокий статус женщин в семейных и экономических отношениях, сохранялись у них и в рассматриваемый период.

Некоторые правители могли позволять себе злоупотреблять даже мусульманским правом, вмешиваясь в частные отношения своих подданных. Так, бухарский эмир Насрулла, получив вышеупомянутую фетву о том, что его воля — закон, который должен беспрекословно исполняться всеми его подданными, распространил этот принцип и на семейную жизнь бухарцев. Отныне для каждой бухарской женщины он являлся таким же “мужем”, как и ее собственный супруг, что позволяло ему развести любую понравившуюся ему замужнюю женщину и взять к себе в наложницы [Wolff, 1846, p. 236]. При этом иногда он сам принимал такие решения, иногда по его воле супругов разводили бухарские *реисы* [Ханыков, 1844, с. 8].

Суд в Бухаре и Хиве, как и право, характеризовался в рассматриваемый период своеобразным дуализмом. Официально в качестве судебной инстанции фигурировали суды кадиев, выносившие решения на основании норм и принципов шариата и их различные “модификации”. Несомненно, этот вид суда был наиболее четко организован и регламентирован, имел фундаментальную правовую основу. О его значении и распространении в Бухаре и Хиве свидетельствуют многочисленные акты кадиев, в настоящее время широко введенные в оборот.

Так, формально высшей судебной инстанцией являлся сам *шейх-ул-ислам* и его “заместитель” *накиб*, однако фактически нередко они не имели судебных полномочий (в частности, в правление хивинского хана Мухаммад-Рахима I) [Путешествие..., 1822, ч. I, с. 62—63]. Помимо них действовали специальные “военные” судьи — кадиаскеры, разбивавшие имущественные споры и преступления ханских солдат. Помимо судебных функций, некоторые знатоки богословия и права выполняли “нотариальные” функции: удостоверяли приложением своих печатей правовые заключения, прошения, завещания и отказы и пр. [Ханыков, 1843, с. 190, 192].

Однако фактически высшей инстанцией являлся суд хивинского хана или бухарского эмира, и роль монарха в качестве верховного судьи четко фиксируется не столько

местными историками или сохранившимися официальными актами, а именно иностранными очевидцами. Монархи разбирали и важные преступления политического или государственного характера, и имущественные споры на сумму свыше 500 золотых тилля. При этом монарх не был связан при вынесении решения или приговора никакими нормами и осуществлял его на основании исключительно собственного усмотрения и отношения к истцу, ответчику или подсудимому (хотя формально и ограничивался принципами шариата). Разбирали монархи дела и с участием иностранцев. Имущественные споры решались также и визиром (*кушбеги*), к суду которого нередко прибегали богатые торговцы [*Путешествие...*, 1848, с. 413–414; Ханыков, 1843, с. 179, 190; Шекспир, 2004, с. 132–133].

Боле того, в Бухаре и Хиве действовала своеобразная “административная юстиция”: в пределах своих полномочий представители местной “полиции” не только пресекали преступления и задерживали нарушителей, но и сами могли налагать отдельные виды наказаний. Так, правоохранительные функции выполняли *реусы* и есаулы (иностранцы современные называют их “полицейскими”), которые следили, насколько горожане следуют предписаниям шариата (присутствуют на молитве, не предаются курению в публичных местах и пр., могут прочесть молитву по требованию *реуса*). Нарушителей могли задержать, бросить в тюрьму, но чаще штрафовали на месте или же наказывали телесно – битьем кнутом или деревянными палками (дубинками). При этом учитывался статус нарушителя. Как отмечали иностранные свидетели, простолюдины наказывались по всей строгости, тогда как на нарушения со стороны знати предпочитали закрывать глаза [Мейендорф, 1975, с. 136; Ханыков, 1843, с. 191; Ханыков, 1844, с. 7–8].

Особым статусом в системе правоотношений среднеазиатских ханств обладали кочевники, признававшие власть бухарских эмиров и хивинских ханов, в первую очередь казахи (в то время именовавшиеся “киргизами”) и туркмены. Специфика их положения объяснялась тем, что они не были привязаны к земле, как оседлое “сартовское” население обоих ханств, а потому, в случае недовольства отношением к ним своего нынешнего сюзерена, могли довольно легко и быстро отказаться от подданства и перекочевать в пределы другого государства, признав его сюзеренитет. Принимая во внимание это обстоятельство, среднеазиатские монархи старались создать кочевникам и максимально необременительные условия подданства, признавая и санкционируя действие обычного права тюрко-монгольских племен.

Так, в отличие от оседлых подданных хивинских ханов, на которых возлагалась воинская повинность, туркмены рассматривали военную службу как привилегию. А. Конолли упоминает, что на службе у хивинского хана находится 12 тыс. конных туркмен, каждый из которых получает жалование – 20 тилля в год [Conolly, 1838, р. 28]. Ряд подразделений казахского Младшего жуза в первые десятилетия XIX в. принял хивинское подданство, и для них был установлен налог 3 тилля с кибитки в год, однако все налогоплательщики были формально приняты на хивинскую военную службу, получая в качестве жалования в таком же размере [*Замечания...*, 2007, с. 211]. Официально на кочевников также был распространён закат в размере 5 тилля с 40 голов скота в год. Однако регулярное получение налогов с кочевников было затруднительным: сами правители кочевников, хивинские ханы и казахские султаны, не могли осуществить правильную раскладку налогов среди своих подданных, поэтому в степь направлялись хивинские чиновники, которым также не удавалось обеспечить систематического и полного сбора налогов [Данилевский, 1851, с. 136; Записка, 1983, с. 86].

Тот факт, что кочевые подданные бухарского эмира и хивинского хана в гораздо меньшей степени подчинялись праву соответствующего государства и жили преимущественно по своим обычаям, в значительной степени влиял на их семейно-правовые отношения, регулирование которых существенно отличалось от канонов шариата. Так, туркменки обладали куда большей свободой, чем представительницы оседлого населения, поэтому процедура заключения брака среди туркмен была более сложной, чем в городах.

Браку предшествовало заключение договора и внесение значительного выкупа за невесту, в связи с чем разбойничьи набеги для молодых туркмен являлись не развлечением, а необходимостью. Впрочем, практиковалось и умыкание невесты. Даже если семья возражала против кандидатуры похитителя в качестве мужа, развод, как правило, в таких случаях был невозможен [*Путешествие...*, 1850, с. 79–81]. Даже хан не имел права вмешиваться в частнопроводные отношения своих кочевых подданных: И.В. Виткевич упоминает о случае, когда хан Алла-Кули решил выдать туркменку замуж за хивинца, в результате туркмены подняли бунт, и хану пришлось отказаться от своего намерения [*Записка...*, 1983, с. 88].

Туркмены и казахи, признававшие подданство хивинского хана, не подлежали мусульманскому суду. Их споры и преступления разбирали на основе обычного права собственные судьи – ханы, *юзбаши* и аксакалы. Лишь смертные приговоры требовали утверждения со стороны хана [Abbott, 1884, vol. II, p. 294]. Кроме того, в некоторых случаях хан мог выносить судебные решения по спорам и преступлениям, когда в деле участвовали представители разных племен казахов или туркмен [*Путевой журнал*, 1868, с. 277].

Привилегированное положение кочевых подданных хивинских ханов объяснялось тем, что именно туркменская и казахская конница в рассматриваемый период являлась основной боевой силой ханства. Ведь в Хиве, в отличие от Бухары, в которой в это время уже активно формировалась регулярная армия, у ханов практически не было своих войск. Они зависели в военном отношении от собственных нукеров и предводителей кочевых племен, без поддержки которых могли остаться совершенно беззащитными как перед внешним вторжением, так и внутренними мятежниками.

Итак, сведения русских и английских современников позволяют сформировать представление о праве Бухарского эмирата и Хивинского ханства в самых разных сферах отношений. Мусульманские правовые принципы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве весьма органично сочетались с традициями тюрко-монгольского права, в частности – с активной ролью монархов в правотворческой и судебной сфере, существовании особых форм землевладения и видов налогообложения, не предусмотренных шариатом, сохранении обычного права в отдельных национальных (прежде всего степных) регионах обоих ханств и т.д. Формальное провозглашение правителями Бухары и Хивы приоритета мусульманских принципов в системе правоотношений, таким образом, ни в коей мере не означало отказа от использования многих элементов права средневековых тюрко-монгольских государств, начиная с империи Чингисхана и государств его преемников (в частности Чагатайского улуса). Это позволяет говорить об особом региональном (среднеазиатском) варианте мусульманского права, заметно отличающегося от правовой системы стран классического ислама, в которых действительно приоритет имели нормы шариата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 15–78.
- Бейсембиев Т.К. Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII – начало XIX вв.) // *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дагестана и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола*. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 97–114.
- Бутенев К.Ф. Монетное дело в Бухарии // *Горный журнал*. Ч. IV. Кн. XI. 1842. С. 154–163.
- Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах // *Материалы для описания Хивинского похода 1873 г.* Вып. 7. СПб., 1881.
- Галкин М.Н. Показания русских пленных, возвращенных из Бухары в 1858–1859 гг. // Галкин М.Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*. СПб., 1868. С. 213–242.
- Ганиев Р.Т. Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: *Гуманитарные науки*. Т. 114. № 2. 2013. С. 107–123.

Даль В. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рызанова // *Утренняя заря: Альманах*. 1839. С. 74–92.

Данилевский [Г.И.]. Описание Хивинского ханства // *Записки императорского русского географического общества*. Кн. 5. 1851. С. 62–139.

Журнал, веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию... // *История Казахстана в русских источниках*. Т. V. *Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 16–154.

Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. *Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX в.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 206–218.

Записка И.В. Виткевича // *Записки о Бухарском ханстве*. М.: Наука, 1983. С. 17–83.

Записки купца Жаркова. 1854 г. // *Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века*. Астана: Общество инвалидов – Чернобыль, 2012. С. 498–646.

Записки П.И. Демезона // *Записки о Бухарском ханстве*. М.: Наука, 1983. С. 84–129.

История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI – первой половины XIX в. / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1988.

Кайдалов Е. *Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах*. Ч. 2. М., 1828.

Ковалевский Е.П. Несср-Улла хан и Куч-беги // *Собрание сочинений Е.П. Ковалевского*. Т. III. СПб., 1871. С. 36–45.

Кюгельген А. фон. *Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.)*. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

Лунев Ю.Ф. *Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века*. М.: АСТ, 2004.

Маев Н. Очерки Бухарского ханства // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. V. 1879. С. 77–130.

Мейендорф Е.К. *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. М.: Наука, 1975.

Путевой журнал переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Александровского укрепления в Хиву // Галкин М.Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*. СПб., 1868. С. 264–285.

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I. М., 1822.

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М., 1822.

Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. Ч. 2. М., 1848.

Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. Ч. 3. М., 1850.

Россия – Средняя Азия. Т. 1: *Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв.* М.: URSS, 2011.

Сергеев Е.Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М.: КМК, 2012.

Соловьев М.М. *Экспедиция в Бухару в 1841–1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана*. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Ханыков Н.В. Городское управление в Средней Азии // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1844. Ч. 6 (отд. оттиск).

Ханыков Н. *Описание Бухарского ханства*. СПб., 1843.

Шекспир Р. Записки о путешествии из Герата в Оренбург в 1840 году / Введ., пер. с англ. и коммент. Р.Г. Мурадова // *Культурные ценности. Международный ежегодник. 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 103–145.

Юдин П.Л. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // *Русская старина*. Т. LXXXVI. 1896. С. 409–429.

Яковлев П. Русский капрал – топчи-баши у бухарского хана // *Отечественные записки*. Ч. XI. СПб., 1822. С. 366–369.

Abbott J. *Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the last Russian Invasion of Khiva*. Vol. I / 3rd ed. London: W.H. Allen & Co., 1884.

Abbott J. *Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the last Russian Invasion of Khiva*. Vol. II / 3rd ed. London: W.H. Allen & Co., 1884.

Alder G. *Beyond Bokhara: The Life of William Moorcroft, Asian Explorer and Pioneer Veterinary Surgeon, 1767–1825*. Delhi: Fine Art Press, 2012.

Conolly A. *Journey to the North of India overland from England through Russia, Persia and Affghaunistan*: Vol. I / 2nd ed., rev. London: R. Bentley, 1838.

Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and Kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara by Mr. William Moorcroft and Mr. George Trebeck from 1819 to 1825 / Prep. by H.H. Wilson. Vol. II. London: J. Murray, 1841.

Wolff J. *Narrative of a mission to Bokhara in the years 1843–1845 to ascertain the fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly*. London: J.W. Parker, 1846.

REFERENCES

Abbott J. *Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the last Russian Invasion of Khiva*. Vol. I. 3rd ed. London: W.H. Allen & Co., 1884.

Abbott J. *Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the last Russian Invasion of Khiva*. Vol. II. 3rd ed. London: W.H. Allen & Co., 1884.

Alder G. *Beyond Bokhara: The Life of William Moorcroft, Asian Explorer and Pioneer Veterinary Surgeon, 1767–1825*. Delhi: Fine Art Press, 2012.

Bartol'd V.V. Khalif i sultan // *Collected works*. Vol. VI. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 15–78.

Beysembiev T.K. Vozrozhdenie chagatayskoy gosudastvennoy idei v Maverannakhre (konets XVIII – nachalo XIX vv.) // *Istoriko-kul'turnye vaimosvyazi Irana I Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola*. Almaty: Daik-Press, 2004. Pp. 97–114.

Butenev K.F. Monetnoe delo v Bukharii // *Gornyy zhurnal*. Vol. IV. No. XI. 1842. Pp. 154–163.

Conolly A. *Journey to the North of India overland from England through Russia, Persia and Affghaunistan*. Vol. I. 2nd ed., rev. London: R. Bentley, 1838.

Dal' V. Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrahanskogo meschanina Tikhona Ivanovicha Ryazanova // *Utrennyaya zarya: Almanakh*. 1839. Pp. 74–92.

Danilevskiy [G.I.]. Opisanie Khivinskogo khanstva // *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 5. 1851. Pp. 62–139.

Galkin M.N. Pokazaniya russkikh plennykh, vozvrashchennykh iz Bukhary v 1858–1859 gg. // *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu*. St. Petersburg, 1868. Pp. 213–242.

Ganiev R.T. Khivinskaya problema Rossiyskoy imperii v 1-y polovine XIX v.: ambitsii i real'nost' // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. *Gumanitarnye nauki*. Vol. 114. No. 2. 2013. Pp. 107–123.

Kaydalov E. *Karavan-zapiski vo vremya pokhoda v Bukhariyu rossiyskogo karavana pod voinskim prikrytiem v 1824 i 1825 godakh*. Vol. 2. Moscow, 1828.

Khanykov N. *Opisanie Bukharskogo khanstva*. St. Petersburg, 1843.

Khanykov N.V. Gorodskoe upravlenie v Sredney Azii // *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 6. 1844 (imprint).

Kovalevskiy E.P. Nesser-Ulla khan i Kuch-begi // *Sobranie sochineniy E.P. Kovalevskogo*. Vol. III. St. Petersburg, 1871. Pp. 36–45.

Kügelgen A. von. *Legitimsiya sredneazjatskoy dinastii Mangitov v proizvedeniyyakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.)*. Almaty: Daik-Press, 2004.

Lunev Yu.F. *Gosudarstvo i pravo uzbekskikh khanstv s XVI po XIX veka*. Moscow: AST, 2004.

Lunin B.V. (ed.) *Istoriya Uzbekistana v istochnikakh. Izvestiya puteshestvennikov, geografov i uchenykh XVI – pervoy poloviny XIX v.* Tashkent: Fan, 1988.

Maev N. Ocherki Bukharskogo khanstva // *Materialy dlya statistiki Turkestanского kraya*. Vol. V. 1879. Pp. 77–130.

Meyendorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu*. Moscow: Nauka, 1975.

Muradov R.G. (transl.) Shakespeare R. Zapiski o puteshestvii iz Gerata v Orenburg v 1840 godu // *Kul'turnye isnessnosti. Mezhdunarodnyy ezhegodnik. 2004–2006: Tsentral'naya Aziya v proshlom i nastoyashchem*. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. Pp. 103–145.

Puteshestvie v Bukharu leytenanta Ost-Indskoy kompaneykoy sluzhby Aleksandra Bornsa. Vol. 2. Moscow, 1848.

Puteshestvie v Bukharu leytenanta Ost-Indskoy kompaneynskoj sluzhby Aleksandra Bornsa. Vol. 3. Moscow, 1850.

Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov. Vol. I. Moscow, 1822.

Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov. Vol. II. Moscow, 1822.

Putevoy zhurnal perevodchika armyanina Turpaeva, poslannogo v 1834 g. iz Novo-Aleksandrovskogo ukrepleniya v Khivu // Galkin M.N. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Sredney Azii i Orenburgskomu kraju*. St. Petersburg, 1868. Pp. 264–285.

Rossiya – Srednyaya Aziya. T. 1: Politika i islam v kontse XVIII – nachale XX vv. Moscow: URSS, 2011.

Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii*. Moscow: KMK, 2012.

Solov'ev M.M. *Ekspeditsiya v Bukharu v 1841–1842 gg. pri uchastii naturalista A. Lemana*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936.

Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and Kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara by Mr. William Moorcroft and Mr. George Trebeck from 1819 to 1825 / Prep. by H.H. Wilson. Vol. II. London: J. Murray, 1841.

Veselovskiy N.I. Russkie nevol'niki v sredneaziatskikh khanstvakh // *Materialy dlya opisaniya Khivinskogo pohoda*. Vyp. 7. St. Petersburg, 1881.

Wolff J. *Narrative of a mission to Bokhara in the years 1843–1845 to ascertain the fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly*. London: J.W. Parker, 1846.

Yakovlev P. Russkiy kapral – topchi-bashi bukharskogo khana. *Otechestvennyye zapiski*. Ch. XI. St. Petersburg, 1822. Pp. 366–369.

Yudin P.L. Graf V.A. Perovskiy v Orenburgskom krae. *Russkaya starina*. Vol. LXXXVI. 1896. Pp. 409–429.

Zamechaniya poruchika Abdunasyra Subkhankulova o svoey poezdke iz Orenburga v Khivu letom 1818 g. // *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh*. Vol. VI. *Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnyim stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 206–218.

Zapiska I.V. Vitkevicha. *Zapiski o Bukharskom khanstve*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 17–83.

Zapiski kuptsa Zharkova, 1854 g. // *Putevye dnevniki i zapiski rossiyskikh chinovnikov I issledovateley o Kazakhskoy stepi XVIII – serediny XIX veka*. Astana: Obschestvo invaldov – Chernobyl', 2012, Pp. 498–646.

Zapiski P.I. Demezona // *Zapiski o Bukharskom khanstve*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 84–129.

Zhurnal, vedennyy Svity ego imperatorskogo velichestva poruchikom Gaverdovskim i kolonnovozhatymi Ivanovym i Bogdanovichem vo vremya sledovaniya ikh po vysochayshemu poveleniyu chrez Kirgizskuyu step' v provintsiyu Bukhariyu... // *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh*. Vol. V: *Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel' Pervaya polovina XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 16–154.